

СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕСТИ ЮРИЯ КОВАЛЯ «ПОЛЫННЫЕ СКАЗКИ»

Ащепкова Л.Д.

*г. Зеленогорск, Красноярский край, МБУ ДО "Центр образования «Перспектива»",
10 класс**Руководитель: Данилова Е.В., г. Зеленогорск, Красноярский край, МБУ ДО "Центр образования «Перспектива»", педагог дополнительного образования*

Прозаические произведения Юрия Ковалёва – необычайно самобытная и логически завершённая художественная система, в которой полно отразилась авторская художественная картина мира. В статье авторы обращаются к возможностям нарративного анализа художественного произведения, представляя описание повествователя и повествовательной модели повести «Полинные сказки».

Жанр произведения «Полинные сказки» писатель определил, как «Повесть о давних временах», тем самым подводя читателя к пониманию, каковы истоки особой авторской сказовой манеры повествования. Первое повествовательное событие начинается разворачиваться с появления нарратора-взрослого, автора, который, используя приём ретроспекции, создаёт впечатление мгновенного погружения в глубины прапамяти: «Это было... Давно это было. Это было, когда я ещё любил болеть. Но только не сильно болеть. Не так болеть, чтоб тебя везли в больницу и вкалывали десять уколов (голос нарратора-взрослого – N1), а тихо болеть, по-домашнему, когда ты лежишь в постели, а тебе чай с лимоном несут (нарратор-мальчик – N2) <...> А потом мама рассказывала мне сказки. Странные это были сказки. Я никогда и нигде таких потом не читал. Прошло много лет, прежде чем я понял, что мама рассказывала мне про свою жизнь. А у меня в голове всё укладывалось как сказки (голос нарратора-взрослого – N1)». И уже в этих начальных строчках мы видим появление как минимум ещё двух повествователей: нарратора – мальчика и нарратора-маму, которая рассказывала маленькому сыну истории своего детства, сохранив в повествовании особые переживания и впечатления ребёнка, девочки Лёли, которой была она сама когда-то.

Писатель создаёт мифологическую художественную модель мира. Миф о мире, где жизнь как сказка. А значит читателю, чтобы стать соучастником событий, стать «своим», нужно, в первую очередь, отказаться от деления образов и событий художественного мира на реалистичные и фантастические

и принять как аксиому, что здесь всё может быть, и довериться автору: «Шёл год за годом, пролетали дни. И вот этим летом я сильно заболел. Обидно болеть летом. Я лежал на кровати, глядел на макушки берёз и вспоминал мамины сказки». Автор прибегает к инспиративной стратегии текста, которой и принадлежит обрамляющий текст нарратора всей повести (обозначим его N-1).

Мы отметили, что названия сказок, а их в повести Ю. Ковалёва 43, своеобразны (например, «Сказка об огромных существах», «Сказка о какой-то штуке с золотым носом», «Сказка о снежных часах», «Сказка о том, как Мишка уходил на войну», «Сказка о метельном празднике» и другие). Они акцентируют внимание на значимых, с точки зрения нарратора-рассказчика, индивидуально авторских художественных деталях. Читателю же их значение и тайный смысл раскрываются в процессе чтения, если он сможет «войти» в этот заповедный полиновский мир.

Каждый нарратив – повествовательное событие – новая сказка из детских воспоминаний нарратора-мальчика (назовём его N-2, по отношению к нарратору-автору – N-1). Он основной транслятор (рассказчик), и он рассказывает сказки читателю. Но отметим также, что в каждой отдельной главе может быть свой нарратор (N-3, 4...), свой транслятор событий. Это и постепенно взрослеющая девочка Лёля (образ мамы Оли в детстве), и девочка Марфуша, которая когда-то училась в 3 классе и помогала Татьяне Дмитриевне (маме Лёли), и сама мама Татьяна Дмитриевна, и Дед Игнат, и две любимые племянницы Татьяны Дмитриевны – Дуня и Ольга, и мальчишки Максим и Мишка, и сёстры Натакай и Еленакай. Это многоголосье создаёт единый образ Сказителя Полинных сказок.

Заметим, что в повести кроме сказок жизни, повествующих о событиях детства Лёли, также есть и настоящие сказки («Марфушина сказка в три блина длиной», «Марфушина сказка про степного брата», «Сказка про деда Игната и волка Евстифейку» «Сказка деда Игната про другие три рубля», «Сказка про серебряного сокола,

которую рассказала Натакай»), в которых нарратор-автор сохраняет традиционные элементы сказочной повествовательной модели. И действительно, какое же детство без сказок! Примечательно, что нарратор-автор (N-1) каждую такую сказку обязательно сопровождает замечанием: «Много времени прошло с тех пор, и нет на свете деда Игната. А я ещё есть. Вот и слушайте сказку деда Игната, как я вам её расскажу» или «Сказки свои Марфуша рассказывала очень-очень давно, и прошло много лет, прежде чем я их услышал, а потом прошло ещё много-много лет, прежде чем я стал их вам рассказывать. Сейчас уже нет на свете Марфуши, а я ещё есть». Тем самым акцентируется внимание читателя на предметности сказителей как обязательном элементе устного народного творчества и в то же время, нарратор-автор заранее оправдывает «вольную» манеру своего пересказа.

Как мы отметили, нарратор-мальчик (N-2), поддерживаемый голосом нарратора-автора (N-1), является основным транслятором, именно он определяет способ и последовательность подачи событий в каждом нарративе. Главное, что отличает голос нарратора-мальчика от нарратора-автора, это яркое образное восприятие событий. Например, в первой «Сказке про серые камни» нарратор-мальчик (N-2), повествуя о том, как «всадник мчался по степи», поселяет в читателе предчувствие трагической развязки, заостряя внимание на зыбкости и неясности **Предметов** окружающего мира, покрытых плотными сумерками. «Конь умчался. За ним стелились по земле вдолгону длинные серые камни. Только один камень остался на земле. Прижавшись к нему головой, лежал человек, который мчался неизвестно куда». Образ «серых камней», обратившийся в «в зверей с острыми ушами» передаёт особенности детского восприятия (образное уподобление **Предметов** окружающего мира).

Голос нарратора-мальчика (N-2) ведущий, но не единственный. В повести Ю. Коваля можно выделить несколько уровней текста в каждой отдельной сказке, в зависимости от того, кто является транслятором интратекста и как распределены повествовательные события. Опишем структуру нарратива. Большая часть сказок в повести содержит 3 основных уровня текста:

1 уровень: повествование нарратора-мальчика (N-2) о каком-то событии (все события связаны с воспоминаниями о детстве девочки Лёли). Его глазами (глазами ребёнка) мы видим происходящее;

2 уровень: передача состояния, эмоционально-образное переживание события самой девочкой (N-3);

3 уровень: нравственный урок, меткое обобщение или пояснение с позиции прошедших лет нарратора-автора (N-1).

Приведём в пример эпизод, в котором благодаря такому многоголосью постепенно разворачивается и углубляется художественная картина мира:

«N-2: И она (Лёля) толкнула дверь и вышла на крыльцо.

Свет, зелёный и золотой, ослепил её, а за светом – зелёным и золотым – она увидела луг и одуванчики и

N-3: очень обрадовалась.

N-2: Так обрадовалась, как будто раньше их не видала.

Но раньше-то её приносили сюда на руках, а теперь она сама дошла.

N-1: Это важно – дойти самому до того, до чего хочешь» («Сказка о крыльце и завалинке»).

Приведём ещё пример из «Сказки о полынном языке»: «N-2: на полынном языке «кати коса» означает – «не знаю где», а «кати коза» – «не знаю куда». Много ещё было странных и красивых слов у полыновцев, и Лёля все эти слова понимала. Она с детства говорила сразу на двух языках. И было удивительное слово – «ломань». На полыновском языке это слово означало – «человек». N-3: И Лёля думала: почему же человек – «ломань», ведь люди не ломаются, они так крепко и гордо ходят по дороге?

N-2: Однажды она увидела старую бабушку. Совсем сгорбилась бабушка, еле шла по дороге, опираясь на клюку.

N-3: – Бабушка, бабушка, – подбежала к ней Лёля. – А ты – ломань?

N-4: – Ломань, доченька, ломань. Я ещё человек.

N-2: Лёля смотрела ей вслед и долго думала и поняла, что N-3: жизнь может и вправду ломать человека, и главное, чтоб не сломала.

N-2: Так в Лёлиной голове сливались два языка – русский и полыновский, они помогали друг другу. Иногда Лёля чего-то не понимала на русском, зато понимала на полыновском. N-1: Но мы дальше всё будем рассказывать на русском. А то ещё, чего доброго, нам скажут: «кати коза», а мы схватим какую-нибудь козу да и покатаем её не знаю куда».

Такое многоголосье делает восприятие авторской картины мира более объёмным и глубоким. В один голос сливаются голоса рассказчиков – автора, мальчика, Лёли и загадочных полыновцев. Нарративная стратегия рассказчика такова, что предполагает

спектр самостоятельных мнений. Все они, хотя и разделены во времени, существуют в хронотопе единого мифа как «свои».

Нужно также отметить, что героями повести становятся не только люди, но и предметы: часы («штука с золотым носом», «этакая нос-нога», которая умеет, как и Лёля, «стоять и ходить»), и завалинка с крылечком («Крыльцо. Хоть и не крыло, а, наверно, летает»), и кафедра, что «покрашена масляной краской» и хранит массу самых фантастических вещей, и даже «зелёная лампа» («Это была керосиновая лампа с абажуром из тонкого стекла особого какого-то зелёного цвета – лесного цвета, соснового»). А также вполне сказочные звери: «кошка-судомочка, собачка-пустолаечка, овечка-тихоня и Басуля-коровушка, а также Евстифейковолк». Или «волчки». «Не волки, а именно – «волчки» (из Лёлиного сна). «Они не были страшными. Они жевали пельмени, таскали с собою по лесу самовар, играли на балалайках. Хорошие были «волчки», симпатичные», – заключает нарратор-рассказчик.

Художественное время в повести «Полынные сказки» во многом условно. В повествовательной модели повести указание на время является отправной точкой каждого нарратива. И при этом оно, во-первых, вписывает жизнь полыновцев в извечный круговорот природы: лето сменяется осенью, осень – зимой, на смену зиме приходит весна; день сменяется ночью (например, «Был жаркий июльский день», «Зимние вечера в Полюновке были ещё глубже, ещё дольше осенних», «С утра хлынул в школу весенний степной и очень ясный свет» или «Как-то в субботний вечер»). Во-вторых, время отмечает вехи постепенного взросления маленькой девочки Лёли (например, «Это было, когда Лёля научилась летать» или «А уж это было, когда Лёля перестала стенные часы за нос дёргать»). Прошлое, настоящее и будущее в художественном мире произведения существуют в едином пространственно-временном континууме.

Пространство в повести скорее всего мифопоэтическое. Взрослеет маленькая Лёля и всё больше расширяется её мир, наполняясь новыми деталями окружающего мира («обжитыми» девочкой, а значит особенными, полынными). Сначала пространство – это комната, в которой Лёля летает на маминых руках, потом часы («штука с золотым носом»), крылечко, завалинка, одуванчики у крыльца, потом осознание, что есть и соседняя комната, а всё вместе – это дом, и не просто дом, а дом-школа. Затем картина мира расширяется и в неё включается Полюновка и много других домов, где живут полыновцы, и так далее. Пространство

в повести можно разделить на внутреннее пространство (Полюновка, «близкое», родное пространство) и внешнее пространство (бескрайняя степь со всех четырёх сторон и другие места, в которых Лёля никогда не была, это в модели мира «чужое»). Внутреннее пространство – обжитое, в нём всё держится на невидимых глазу, но крепких глубинных связях живой жизни и традиции: «Снега заносили полынную степь. За снегами явились морозы. Трескучие да скрипучие, ветреные морозы. Зимние вечера в Полюновке были ещё глубже, ещё дольше осенних, и каждый вечер загоралась в окнах школы зелёная сосновая лампа, и удивительно было среди тёмных и синих зимних ночей видеть в окошке такой тёплый и летний свет» или «в окнах школы горит сосновая лампа, и вечные звёзды дрожат над снежною степью», – повествует рассказчик.

Мифологическая модель жизни гармонично вписана в мир живой природы: «Ей (Лёле) нравилось, что снег пушистый. Холодный, а нежный. И немой. Не сравнить с дождём. Дождь говорливый, а снег – немой». Или вот ещё пример: «Уже все цветы – и купальницы с незабудками, и ландыши расцвели, а сирень всё молчала. Бутоны-то уже были, да никак не могли они созреть, раскрыться – заговорить». Таким образом, центральное место в повествовательной модели повести «Полынные сказки» Юрия Ковалёва занимают дом и природа. Микрокосм и макрокосм. Это «свой мир» или «малый мир», который держится на единстве природы и человека, строится по законам любви, дружбы, добра и заботы. Он близок по структуре мифопоэтической модели мира.

Описание отношений героев и окружающего мира в повествовательной модели повести интересно тем, что здесь единство всего, что составляет «свой мир», держится не только на сопричастности всего всему, но и на соучастии. Мы хотим в подтверждение привести эпизод, как весной Лёля «снег уберегала»: «А утром обрушилась на деревню Полюновку великая весна. Всё сразу и всё кругом раскрылось – и небо и земля. Снег, измученный ночными ветрами, таял, и забурилась в овраге речка, подхватила разбитые дрожки, понесла; ударили в небо жаворонки, а ледянка быстроходная обратилась в решето. А Лёля в решете этом таскала из-за дома снег. Она хотела уберечь снежные часы, которые подарила Ванечке. <...> Она радовалась гусям и одуванчикам, а ещё больше радовалась, когда находила в оврагах остатки снега. «Уберётся, милый», – думала она. И ей хотелось, чтоб всё на свете всегда уберегалось» («Сказка о приходе вес-

ны»). Таким образом, соучастие выражается в естественном, часто спонтанном проявлении бескорыстной любви и добра. А ещё в умении видеть чудо жизни в самых простых обыденных вещах.

Таким образом, мы полагаем, что коммуникативной целью автора может быть утверждение, что Чудо и Сказка живут рядом, в нашей жизни, а показываются они тому, кто включается в процесс Жизнестроительства на основах Любви, Дружбы, Добра. И это настоящее искусство жизни – нау-

читься быть счастливыми и торжествовать, так, как это умеют делать полыновцы:

– Татьяна Дмитриевна! Давай торжествовать! – закричал солдатик.

– Давай! Давай! – подхватили все.

И тут поднялся в классе крик и гвалт: кто размахивал руками, кто пел, а кто кричал – в общем, все торжествовали как умели.

Список литературы

1. Коваль Ю. Полынные сказки. Повесть о давних временах. – М.: Детская литература, 1987. – 126 с.